

Я не был в Китае пять лет. Желание еще раз посетить Китай совпало с желанием моих китайских друзей меня там принять, да еще и с предложением прочитать несколько лекций в Шанхае и Пекине в ряде научных и учебных заведений. Моя жена с радостью восприняла такое обоюдное желание сторон, поскольку у нее в Китае есть и свой профессиональный интерес. Те, кто читает мой сайт, знает, что Валентина – художница и некоторое время рисовала в китайском стиле под именем Ван Люши (www.valentina-battler.com).

За организацию поездки взялся мой Шанхайский друг Фёдор (Чжан Цзяньжун), работающий в Шанхайской академии общественных наук и когда-то переведший на китайский язык мою монографию «21 век: мир без России». Надо иметь в виду, что мое профессиональное положение сейчас – независимый исследователь. С одной стороны, это хорошо и мне не нужно придерживаться идеологической «линии» какого-либо исследовательского института, с другой, – я не представляю никакую организацию. Кто не знает, скажу: обычно любые учебно-научные заведения, и особенно в КНР, имеют дело только с представителями официальных организаций/институтов, с которыми у них налажены определенные научно-образовательные связи. Но для меня сделали исключение, во-первых, потому, что во многих организациях я уже читал лекции и, во-вторых, многие китайские исследователи читали переведенную книгу и хотели получить ответы на свои вопросы. Предложенные темы были: «Современная Россия», «США, КНР и Россия в системе мировых отношений» и «Теория мировых отношений». Таким образом, вся поездка была насыщена встречами и беседами. Еще раз отмечу, что всё это произошло благодаря энтузиазму Фёдора. Моя ему благодарность!

На вопрос о языке общения был дан ответ: говори по-русски, но возможно нужно будет где-то читать лекцию и по-английски, если для аудитории английский окажется более понятным. Я понимал, что может сложиться такая ситуация и подготовился и к ней. «Аудиторией» были специалисты-международники, русисты, а также исследователи стран СНГ.

Перед поездкой я решил вспомнить разговорный китайский, который одно время (правда, очень давно) был у меня неплохим. Похоже немножко на то, как в студенческие годы мы готовились к экзамену по китайскому за две ночи.

Вылетели мы в Китай 1-го апреля авиакомпанией «United Airlines», а прилетели 2-го апреля (более 14 часов в пути). В аэропорту Пудуна (Shanghai Pudong airport) нас встречал Фёдор, который сразу решил показать нам то, что мы не видели раньше: это поезд на магнитной подушке. Со скоростью 300 км в час поезд через 8 минут довез нас до центра города. Первое впечатление – чистота и тишина, то, что раньше в Китае не было заметно. Наоборот, было грязновато и очень шумно. Такие поезда снуют от аэропорта до города и обратно через каждые 15 минут. Поезда полупустые. Возможно, для китайцев это дороговато. Эту ж/д ветку предполагалось после Олимпиады куда-то продолжить, но она так и застряла на 8-ми минутном пробеге. Скорее всего, это оказалось нерентабельным делом.

Разместились мы в «Shanghai Marriott Hotel City Centre». Валя отвечала за бытовую логистику и посчитала, что это нам будет удобно: недалеко от главной «Народной площади» и ул.Наньдзин, напоминающей московский Арбат, и от любого транспорта и жизнеобеспечения. Хочу отметить, что хотя гостиница 5-ти звездочная, но цены там в сравнении с такими же гостиницами в Европе или Америке достаточно низкие – за сутки \$145. Наше более чем недельное проживание обошлось в \$1300 (в Нью-Йорке это стоило бы раза в 2,5 больше). «Китайская особенность» – не берут чаевые, не принято. «Чайное» холуйство отсутствует как факт.

Туристическая программа визита

В Китае 3 и 4 апреля Дни почитания (или Воспоминания родителей). Официальные мероприятия в эти не проводятся, офисы закрыты. Мы отказались от любого сопровождения в эти дни и, организовав туристическую программу, пошли в Музей искусств. Этот новый музей располагался в здании китайского павильона во время ЭКСПО 2010 (я писал об этом статью *Япония и Китай (туристические впечатления)*, куда переехала коллекция из старого здания Музея искусств, расположенного как раз на той же Наньдзин улице. Именно в этом здании в 2003 году и была персональная выставка работ Валентины.

Музеи для Вали – это такое пространство, в котором она в любых странах

чувствует себя органично и на любых языках обслуживает себя (ну и меня) так же, как я это делаю в библиотеках любой страны мира. Она на своем «поле» (также как и я в своем) сразу знает, куда нужно идти. Хочу обратить внимание на то, что во все китайские музеи вход бесплатный. В этот день шел дождь, но очередь на вход в Музей искусств была огромной (это очень удивило. Мы почувствовали естественную тягу людей посещать такие музеи). По своей величине этот музей, по-моему, превосходит все аналогичные музеи мира. Обойти его весь мне было невозможно. Я сидел и ждал, пока Валя даст команду переходить на другую скамейку. Но и той части, которую мы посмотрели было достаточно для некоторых выводов: за последние пять лет ничего нового в китайском искусстве живописи не появилось; оно разрасталось вширь, но не вглубь.

Общее ощущение от посещения музея было всё же позитивное. Скорее всего, это у меня от социальных сюжетов картин. Я люблю социалистические сюжеты, радостные лица, изображение труда и побед. Свои чувства от посещения выставки я бы выразил так, как назвал статью: социализм на марше. «Новость» о топтании китайской живописи на месте меня не взволновала и не опечалила, поскольку я до сих пор так и не понял, нужно ли оно, это самое искусство, вообще. Но Валентину это как-то нервно насторожило. В дальнейшем она спрашивала в галереях, почему, как им кажется, китайское искусство не развивается (за исключением единичных примеров)? Ответа у местных не было. Но мы сделали свой вывод: в силу многих причин есть некоторое ограничение китайцев к мировому интернету. Интернет вроде бы есть, но пройти «через стену» практически невозможно. Это в некоторой степени сужает представление творческих людей, замедляет развитие.

Чтобы закончить музейный сюжет, сразу скажу и о Национальном музее искусств в Пекине, для входа в который, нужны были паспорта (!). Причина осталась для нас не понятной. Просто сканируют паспорт и дают бесплатно входной билет. В этом музее Валя тоже бегала по залам, находя что-то интересное для себя, а я как и несколько скучающих мужчин уселся на первом этаже на скамейке. Оказывается, они как и я ожидали своих жен. Любопытно, в похожей ситуации на скамейке я сидел и в одном из музеев в Италии. Мужчины на скамейках, женщины в залах. Мы с газетами, они в поисках. Видимо, тяга к красоте у сильного пола слабее, чем у слабого.

Еще немного о туристической программе визита. Мы давно планировали сходить в китайский цирк, заочно восхищаясь искусством китайских циркачей, которых

мы не раз видели по ТВ. На этот раз решили реализовать свое желание увидеть это вживую.

Билеты в Шанхайский цирк оказались недешевые: от 120 до 600 юаней. Публика – в основном иностранные туристы. К сожалению, цирк нас разочаровал однообразием. Одна акробатика и не такая уж впечатляющая, какую можно увидеть по ТВ. Езда на мотоциклах в небольшом шаре хоть и банальна, но количество людей на мотоциклах в небольшом пространстве удивило – человек 8 или 9 очень умело разъезжались на огромной скорости в шаре. Остальные «сюжетные» номера выглядели очень старообразно по визуальному «юмору». Вот, собственно, и весь цирк. Впечатления китайцы своей исключительностью в акробатике не произвели и русский цирк (то, что я видел в СССР) несравненно лучше.

Встреча с друзьями

4 апреля намечалась встреча со старыми друзьями. Они, собравшись вместе, дали шикарный ужин. Среди друзей был профессор Тань Чжучан из Фуданьского университета, мой старый друг еще по Москве. Он и был инициатор этого ужина и встречи в неформальной обстановке со всеми теми, с кем я на протяжении многих лет поддерживаю дружеские отношения. Отличительной чертой Чжучана является то, что он очень громко говорит и на его фоне мой голос звучит не громче муравьиного писка. Китайцы вообще горланят, причем везде, что меня очень даже радует, имея в виду, что Валя всегда на меня косится, когда я «ору». Тут я получил полное удовлетворение, горделиво отвесив Вале взгляд, что, мол, не я один такой! Вообще я не люблю тихоговорящих, которые обычно изображают из себя тонко организованных мудрецов. Практика показала, что это не так.

После обмена первой информацией – что, как, почему – мои друзья бурно стали обсуждать что-то между собой, как нам показалось, совершенно забыв о нас.

Неведомые яства заполняли огромный круглый стол, и мы занялись «дегустацией» с громогласного настаивания на этом наших друзей. Моих крошечных знаний китайского языка было недостаточно, чтобы понять их разговор, но китайцы, посматривая на нас думали, что я их хорошо понимаю. Я

же козырнул несколькими заученными перед поездкой фразами, вот и вызвал это ощущение. Но как нам сказала одна из участниц встречи, речь шла именно обо мне и Валентине и Чжучан вспоминал мои прогнозы развития различных межстрановых отношений и расхваливал какой я хороший прогнозист.

Лекции

В Шанхае я должен был прочитать лекции в трех заведениях: в Институте международных отношений Шанхайской академии общественных наук, Институте международных исследований, Шанхайском университете международных исследований; а в Пекине – в двух: в Институте России, Восточной Европы и Центральной Азии при Китайской академии общественных наук, Китайском институте современных международных отношений. Кроме того произошла незапланированная встреча с двумя профессорами из Департамента марксистской теории мировой политэкономии при Пекинской академии общественных наук.

Лекция по Теории мировых отношений так нигде не понадобилась. Читал по двум другим темам.

Научная парадигма исследований в Китае, которые представляют международную тематику, и в особенности на направлении Россия–страны СНГ, отличается двумя стереотипами: Россия – великая держава; Путин – жесткий, авторитарный лидер, и, естественно, крупный политик. Что касается Америки, то она, конечно, враг Китая, но, как в свое время казалось и нам, капитализм там процветает. Среди китайских ученых, так же, как и в СССР, определенная часть интеллигенции, хотя в открытую не критикует китайскую модель социализма, но исподволь проявляет недовольство ею и «мечтает» о хорошем капитализме, как в США.

Прежде, чем начинать свои выступления, я всегда оговаривал, что я не принадлежу ни к одному из идеологических направлений в своих научных изысканиях. Я в науке не «левый» и не «правый», а пытаюсь на основе объективных данных анализировать ситуацию предельно беспристрастно. Это всегда вызывало кивания головой всех слушателей. Но моя фраза: «Возможно

то, что я скажу, вызовет недоумение или даже идеологический шок», что собственно и происходило, как-то наэлектризовывало аудиторию.

Итак, в начале каждой лекции мне пришлось объяснять сразу четыре главных момента. Во-первых, я четко заявлял, что в научных исследованиях, я не представляю никакой идеологии или интересы той или иной страны: ни России, ни США, ни Китая.

Чтобы было им понятно, обычно добавляю на китайском 我不是俄罗斯的, 我是苏联人 (я не русский, я – советский). То есть, даже если бы я и хотел субъективно быть на той или иной стороне, я не мог бы это сделать из-за отсутствия страны, к которой я принадлежу по национальности.

Во-вторых, без знания теории и законов международных отношений вообще нельзя написать ничего путного по любой международной тематике. Получится в лучшем случае только публицистика, а обычно выходит поверхностная журналистика, не имеющая к науке никакого отношения. Я чувствовал, что моя резкость «льет воду не на мою мельницу», поскольку практически везде, и в Китае в том числе, существует обычная практика – идеологическая ориентация исследовательских работ. Это как раз то, чему я не подвержен, оставаясь независимым исследователем. И моя безошибочная фраза об объективности исследований притягивала внимание слушателей узнать, что это такое и как отличить писания болтунов-международников от реальных и нужных исследований.

В-третьих, я объяснял разницу между учеными и научными работниками: первых – единицы, вторых – тьма. Понятно, что все это они слышали впервые и были крайне поражены, т.к. практически все они попадали под вторую категорию, до моей лекции уверенные, что они и есть ученые.

В-четвертых, мне пришлось разъяснять, что без статистики все умозаключения и выводы по тем или иным международным событиям или действиям не могут быть убедительными. Если же в качестве «доказательств» приводятся высказывания политических руководителей, то о науке вообще можно забыть. Это чистая идеология, имеющая отношение к пропаганде. Отсутствие статистики и ссылки на речи политиков всегда искажают реальность, дают ложные представления на внешнюю политику и международную систему.

В ходе лекций мне приходилось развенчивать помимо стереотипов о России и Путине и другие стереотипы, например, пагубность стремления многих стран к

многополярной системе международных отношений, китайской концепции «win-win cooperation», развенчивать процветание американского капитализма и информировать о таком новом явлении в США, как тяга немалого количества населения именно к социализму на примере поддержки кандидата от Демократической партии Берни Сандерса. Кроме того, я подчеркивал резкое увеличение за последние 10 лет количества неверующих в Америке.

Китайские эксперты (а это доктора наук, профессора и аспиранты) все тщательно записывали и, естественно, задавали вопросы. Думаю, новые вопросы и «вызовы» заставят многих пересмотреть свои взгляды на Россию, США и на систему мировых отношений. Это, собственно, и есть главная задача обучения и передачи знаний, опыта работы.

Между прочим, китайские научные работники и студенты всегда меня поражали своей дотошностью. Если бы не ограничения во времени, они могли бы задавать вопросы без конца.

После каждой лекции я дарил для их библиотек свои книги (на русском и английском языках), что всегда принималось с благодарностью.

Еще один любопытный факт. Специалисты по изучению России были уверены, что российско-китайские отношения занимают чуть ли не ведущее место во внешней политике Китая. При этом ссылались на частые визиты глав государств друг к другу и большое количество подписанных документов при каждом визите, обычно это 30–40 документов. Когда я их спросил, проверяли ли они хоть раз реализацию хотя бы одного пакета таких документов, они ответили, что нет. Мне пришлось показать на фактах, что практически 90% этих документов не работают, их можно было воспринимать просто как протокол о намерениях. Китайцы были еще больше удивлены узнав, что объем торгово-экономических отношений с их стратегическим врагом США превосходит аналогичный объем отношений с другом-Россией на порядок, причем это превосходство не только не сокращается, но и увеличивается.

Такое незнание отражает известный в науке факт, когда та или иная тема изучается в отрыве от «всеобщего», т.е. не комплексно, результат или прогноз не может быть верным. То есть, чтобы объективно оценить объем российско-китайских отношений, надо, как минимум, знать всю внешнюю политику Китая, четко представляя объемы отношений с каждой из значимых стран.

О незначительной роли России для Китая косвенно говорит и тот факт, что в

китайской прессе и на ТВ о России пишется на порядки меньше, чем о других странах, не говоря уже о США. За две недели пребывания в Китае я не встретил ни одной статьи о России в газете China Daily. Только 15 апреля появилось упоминание о выступлении российского президента по ТВ без анализа его выступления. Вернувшись в Нью-Йорк, я просмотрел в Интернете и другие газеты КНР, включая Жэньминь жибао (главную партийную газету ЦК КПК). В них тоже о России полслова, а о США полновесные статьи. Так что современные российские националисты совершенно зря рассчитывают на стратегический альянс с Китаем против США. С американцами у китайцев в реальности больше общего, чем с Россией.

Бытовые впечатления

Как я уже упоминал, в Китае я не был пять лет. За это время (2010–2015 г.) Китай умудрился увеличить свой ВВП с 6 039 млрд долл. до 10 354 млрд долл., т.е. более чем на 4 трлн долл. Для информации: Россия за эти же пять лет увеличила свой ВВП с 1 525 млрд. долл. до 1 861 млрд., т.е. всего лишь на 330 млрд. А в 2016 г., по прогнозу МВФ, Китай укрепит свою вторую позицию в мире по ВВП, увеличив его до 12,3 трлн долл, а Россия скатится на 16 место, с уменьшенным ВВП до 1,2 трлн. долл.

Эти сухие цифры наглядно оживают при личном контакте с действительностью. Меня и прежде поражал масштаб строительства в Китае. Помню, когда я впервые ехал из аэропорта Пудуна в центр Шанхая, передо мной была пустынная местность.

Аналогичную картину я видел при переезде на поезде из Пекина в Шанхай. Но уже через три года вся эта «пустыня» (Пудун–Центр) был застроен высотными жилыми домами на несколько миллионов семей. На этот раз «пустыня» между Шанхаем и Пекином также была застроена целыми городами. У меня возникло ощущение, что ты едешь по району Когёчитай в Японии (это от Токио до Осака), когда не понимаешь, где кончается один город и начинается другой. Аналогия с Японией уместна и в том смысле, что скорость поезда между Шанхаем и Пекином почти уравнилась со скоростью японских поездов Хикари, (скорость близка к 200 км в час). Я уже не говорю о скорости поезда на воздушных подушках в самом Шанхае.

Опять же о схожести с Японией. Я поначалу как-то не обратил на это внимание, но мою жену поразила чистота в Китае: на улицах, в метро, на вокзалах и вообще в общественных местах. Еще лет десять назад такого не было, особенно на улицах и вокзалах. То ли партия приказала, то ли сознание само поменялось. Это сильно удивило.

Второе, что бросилось в глаза на этот раз: это массовый «пересад» китайцев с велосипедов на мотоциклы, мотороллеры и велосипеды с моторчиками.

Велосипедисты хотя и остались, но теперь они явно в меньшинстве. Нельзя было не заметить любопытное ноу-хау мотоциклистов: на рулях у них прикреплены рукавицы, а ноги прикрывают одеяла, как-то удачно прикрепленные к мини-транспорту.

Получается некий щит от непогоды. Смотрится смешно, но видимо, весьма функционально в холод и дождь.

Третий момент: молодые китайцы стали намного выше своих родителей, на глаз, сантиметров на 10. Очевидно сказывается резкое улучшение питания и внедрение в их рацион мяса. Аналогичное явление лет 30 назад я наблюдал в Японии.

Четвертый момент. Позитивное телевидение. Показывают современные достижения в экономике, в науке, медицине, много передач о героях войны с японцами, истории и культуре Китая, интересны их конкурсы, воодушевляющие песни, прославляющие Китай. Общее ощущение – достижения страны налицо, видно ее движение.

Американских сериалов нет, а есть некоторые американские фильмы без их ужасиков и порнографии. Очевидно, что государственная политика Китая на телевидении очень взвешенно выверена так, что места популяризации насилия и убийствам, гей-так называемой-культуре нет. Газеты и в целом СМИ также весьма позитивные.

В-пятых, бросается в глаза повышенное внимание образованию и науке. В одной из статей (China Daily, April 8, 2016) говорится, что каждый из пяти студентов в мире китаец. Их в 2015 г. насчитывалось 37 миллионов человек. 50% молодых людей в Китае от 18 до 22 лет учатся в высших учебных заведениях. По количеству колледжей и университетов Китай уступает только США. То же самое и с наукой. Меня в этой связи удивило большое количество научных заведений, которые занимаются международной проблематикой.

Любопытно также, что некоторые западные эксперты полагают, что проблема лечения рака всех видов будет решена именно китайцами из-за резкого увеличения исследовательских заведений в этой области. Увеличение их количества, оказывается, произошло из-за одного любопытного факта: из-за увеличения количества заводов и промышленных предприятий резко ухудшилась экологическая обстановка в ряде промышленных районов, вследствие чего столь же резко увеличилось количество больных раком. И это стало причиной увеличения количества научных заведений, призванных одолеть эту проблему.

В-шестых. В одной статье я с удивлением прочитал, что дети, которые не посещают родителей, могут быть наказаны (Offspring who fail to visit parents could be punished

/China Daily, April 8, 2016). Оказывается, в Шанхае был принят закон, который будет утверждаться в мае этого года, под названием «Защита прав и интересов старых людей», требующих от детей регулярного посещения своих старых родителей и удовлетворения их жизненных потребностей. Хотя в России вроде бы тоже есть аналогичная статья в гражданском праве, но вряд ли она действует, судя даже по показам на ТВ, как дети обходятся со своими старыми родителями.

В-седьмых, факт, который тоже бросился в глаза. Мы обнаружили резкое подорожание продуктов питания по сравнению с предыдущим приездом. Но что удивило, даже молодежь при довольно дорогих (для Китая) ценах массово посещает рестораны, оплачивая весьма недешевые блюда и напитки. Другими словами, их доходы выросли еще больше, чем цены на продукты питания.

А вот момент, который вызвал самые негативные чувства, это массовое слияние с мобильными телефонами, которые в свое время советский японист В. Цветов назвал дебильниками. Я думал, такое явление существует только в России и в западных странах, отказывая китайцам в пристрастии в этому монстру 21 века. Я предполагал, что должен бы быть некий партийный указ, осложняющий людям жизнь с телефоном в обнимку. Но тут я ошибся. Оказывается, эта зараза перекинулась и на Китай. В метро практически все едут, уткнувшись в эту игрушку. «Болтают» по телефону, бесконечные фотографии – по телефону, игры – там же, встречи – там же, кино – там же... Эта эрзац-социальность перекрыла пути к реальному общению и взаимообогащению. Не захотел общаться, жми кнопку и ты один. Никто не осудит, никто не научит, если нет желания.

Потребности свелись с простому выживанию в толпе. Судя по всему, и в Китае не понимают, что это оружие страшнее даже религии в деле оболванивания людей. Я уверен, что из всех противоречий и проблем на мировой арене «мобилизация» сознания, а другими словами, превращение хомо сапиенс в хомо дебилиус является главным врагом прогресса человечества. И это происходит на глазах и ощущается повсюду.

Есть еще момент, которому довольно сложно дать однозначную оценку. Это тема цензуры. Мы с женой обнаружили, что Facebook на территории Китая не работает. Не работают и какие-то программы, привязанные к Гуглу. То есть правительство в состоянии контролировать Интернет. Хорошо это или плохо, покажут цифры развития страны. Но полагаю, что это скорее хорошо, чем плохо, поскольку Facebook тоже своего рода социальный эрзац, фиктивное ощущение вовлеченности в некое сообщество, ... которое нажатием кнопки включает или исключает тебя из себя. И в принципе в этом виртуальном «единстве» никому ни до кого нет дела.

И в заключение

На Западе обычно о Китае пишут как о социалистической стране, когда речь заходит о его политическом устройстве, и как о капиталистической, когда речь идет об экономических успехах. Некоторые же «специалисты», между прочим, в том числе из среды левых в США и в России, всерьез утверждают о перерождении Китая в капиталистическое государство.

На самом деле в Китае реальный социализм в своей начальной стадии, о которой не раз в свое время говорил Дэн Сяопин. Нынешняя про-капиталистическая экономика

– это реальный НЭП, предложенный в свое время Лениным для России. Это базис со смешанной экономикой. Надстройка же – социалистическая, отвечающая начальному этапу социалистического строительства. Так называемые ортодоксальные коммунисты (на Западе и в России) не понимают, что путь к высшей социальной формации – коммунизму проходит через несколько стадий социализма: начальный этап, средний и развитой. Каждый из этих циклов может иметь различное историческое время в зависимости от

конкретной страны. Когда-то я критиковал взгляды академика М. Титаренко (бывшего директор Института Дальнего Востока РАН) в том числе и за то, что он пытался представить идеологию нынешнего Китая не как социалистическую, а как конфуцианскую, как бы косвенно намекая на отход Китая от социализма. Однако, читая работы нынешнего Генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР Си Цзиньпина, в том числе одну из последних – «О государственном управлении» (Пекин, 2016), я убедился еще раз в том, что китайский вариант социализма с особой спецификой опровергает все теории и концепции о несоциалистическом пути Китая.

Практика жизни, с которой я столкнулся во время своих неоднократных визитов в Китай, подтверждает мои утверждения и умозаключения о спецификах стадий социализма.

Сравнивая Китай и нынешнюю Россию, можно сказать, что первый уверенно идет ко второй стадии социализма, развивается и процветает, Россия же продолжает падать в пропасть. Причин падения России много, но главная – капитализм для России смертелен.

Олег Арин

23 апреля 2016 г.

Comments

arinoleg

(May 3, 2016) arinoleg (mod) said:

Геннадий, это длинная тема. Главное - что наверх попадают только те, кто прошел массу звеньев снизу доверху. Система чисток - другая тема. В каких-то условиях она нужна, в каких-то нет. Надо разбираться в каждом случае отдельно.

(May 2, 2016) Г.Кузнецов said:

Олег, как в Китае работает система сменяемости в верхних эшелонах власти? Проще говоря, в России был результат, когда работала система чисток в партии. Отсутствие чисток после Сталина привело к развалу государства. Я не имею в виду болтовню о жестокости Сталина, гулагах и т.п.. За исключением естественных ошибок, чистки были оправданы. В любом обществе они необходимы в рамках закона. При социализме чистки направлены на социальную справедливость, при капитализме - на прибыль. В Китае своя оценка жизни человека.

(Apr 27, 2016) arinoleg (mod) said:

Я таких не встречал. За всех говорить не могу. Но в России я знаю только одного полигистра. Все остальные тоже по "правой ноздре".

(Apr 25, 2016) Фармацевт said:

Скажите, обладают ли китайские научные сотрудники широкой эрудицией, или они специалисты "по правой ноздре" как на Западе?